

Лу Чуань, как обычно, прибыл точно в назначенное время к месту проживания своего старшего двоюродного брата Цзян Е. Он постучал в дверь, и почти сразу её открыла Цзян Яо.

— Брат сказал, что ты помогаешь ему с уроками. Я тоже хочу послушать, ты не против? — с улыбкой спросила она.

Лу Чуань покачал головой, думая, что ему нечего возразить.

Он последовал за Цзян Яо внутрь. В гостиной никого не было, Цзян Е, похоже, возился на кухне.

— Я думала, что следующий экзамен будет только в середине семестра, но учителя вдруг решили устроить дополнительный тест, — вздохнула Цзян Яо, слегка нервничая. — Это так напрягает.

— Лу Чуань, можешь ли ты передать мне конспекты, которые ты готовишь для брата, пораньше? Иначе я боюсь, что не успею подготовиться к этому тесту.

Лу Чуань с детства не придавал особого значения успехам в учёбе. Будь он первым или десятым, это не вызывало у него сильных эмоций.

Занять первое место не делало его чрезмерно счастливым, как других детей, а оказаться на десятом — не огорчало и не вызывало чувства несправедливости.

Бабушка всегда говорила ему, что главное — стараться.

И он знал, что на каждом экзамене он старался.

Но отсутствие сильных эмоций не означало, что он не чувствовал решимости Цзян Яо превзойти его.

Это соперничество было её собственной идеей, и ему было всё равно.

Тем не менее Лу Чуань всё же сказал:

— Мы договорились, что я передам их перед экзаменом в середине семестра.

Цзян Яо на мгновение замолчала. Лу Чуань, опасаясь задеть её чувства, добавил:

— Я ещё не закончил их, но передам перед экзаменом.

— Если хочешь соревноваться, то пусть это будет по результатам экзамена в середине семестра.

Цзян Яо на мгновение задумалась, а затем с лёгкой радостью ответила:

— Хорошо, договорились.

Лу Чуань больше ничего не сказал, только достал экзаменационные листы из портфеля, как вдруг Цзян Е позвал его на кухню.

Лу Чуань, раздражённый, встал и отправился туда.

Цзян Е протянул ему тарелку с фруктами, напевая и беззаботно сказав:

— Отнеси это в зал, я тут приберусь.

Лу Чуань взял тарелку и, уже разворачиваясь, спросил:

— Почему ты не попросил свою сестру помочь тебе с уроками?

Цзян Е, развалившись, ответил:

— В последние дни её не отстраняли от занятий, а у нас с тобой время совпадает. К тому же я уже привык к твоему стилю объяснения, менять было бы невыгодно. Да и я не могу мешать ей учиться...

Лу Чуань усмехнулся:

— Так значит, ты можешь мешать мне?

Цзян Е попытался исправить ситуацию:

— Не надо так говорить. Разве взаимопомощь между одноклассниками — это не хорошо?

— Взаимопомощь между братьями и сёстрами ещё лучше.

Цзян Е: [...]

— Лу Чуань, — он пристально посмотрел на него, серьёзно сказав:

— Ты ревнуешь? Думаешь, что я балую только свою сестру и эксплуатирую тебя, поэтому у тебя такое настроение?

Лу Чуань закатил глаза и презрительно фыркнул:

— Чушь! Не выдумывай, ты никто.

Сказав это, он вышел из кухни, а Цзян Е, убирая кожуру от фруктов, пробормотал себе под нос:

— Я никто? Я твой брат, так что я кто?

После того как уроки с Цзян Е закончились, он, пока сестра была занята решением задач, отвёл Лу Чуаня на кухню, развернулся и положил руку ему на плечо.

Лу Чуань поднял глаза и увидел, как парень перед ним нервно наблюдает за его реакцией, не зная, злиться или смеяться.

— Ты чего нервничаешь? — раздражённо спросил он.

Рука Цзян Е всё ещё лежала на его плече, когда он сказал:

— Боюсь, что ты не выдержишь и устроишь сцену, боюсь, что моя сестра вдруг откроет дверь и увидит...

После этих слов в кухне воцарилась странная тишина.

Словно они занимались чем-то запретным.

Лу Чуань и Цзян Е смотрели друг на друга пару секунд, после чего Лу Чуань снял руку Цзян Е

с плеча, с отвращением сказав:

— Если бы у меня была реакция на твоё лицо, это было бы странно.

Так явно протянуть руку и прикоснуться к нему — чего он ожидал?

Хотя это действительно было неприятно, но только из-за того, что чья-то рука лежала на плече.

Цзян Е, недовольный, ещё больше приблизился к Лу Чуаню, почти упираясь лицом в него:

— А что не так с моим лицом? Оно не достойно твоей реакции?

Лу Чуань: [...]

Ты вообще можешь нормально говорить?

Цзян Е фыркнул:

— Моё лицо такое красивое, ты должен быть счастлив, что твои глаза видят такую красоту.

— Отвали! — Лу Чуань ударил Цзян Е в плечо, оттолкнул его и вышел из кухни.

Затем он собрал свои вещи и сказал вышедшему из кухни Цзян Е и посмотревшей на него Цзян Яо:

— Я пошёл.

— Завтра ты придёшь? — спросила Цзян Яо.

Лу Чуань, уже взяв портфель, машинально взглянул на Цзян Е, затем отвел взгляд и равнодушно сказал:

— Если ничего не случится, то приду.

Цзян Яо улыбнулась:

— Хорошо, тогда я смогу спросить у тебя, если что-то не пойму в дополнительных заданиях.

Лу Чуань небрежно кивнул и ушёл.

После его ухода Цзян Яо, повернувшись к Цзян Е, с улыбкой сказала:

— Брат, Лу Чуань не такой уж и неприятный, как кажется.

Цзян Е усмехнулся, садясь на диван:

— Кто сказал, что он неприятный?

— Я сама так думала, — задумчиво сказала Цзян Яо, склонив голову набок. — Когда он только перевёлся, он казался таким высокомерным, настоящим холодным типом. Казалось, что он вообще не реагирует, когда с ним говорят, а вы с ним всегда просто шли рядом, а он шёл своим путём, занимаясь своими делами.

Цзян Е: [...]

Неужели он выглядел как подхалим? Разве он был таким жалким?!

— Но я всё больше замечаю, что он не такой холодный, как кажется, — вспомнила Цзян Яо, улыбнувшись. — Он даже улыбался.

Цзян Е на мгновение задумался:

— Когда?

— Несколько дней назад, когда вас поймали после драки, и Лу Чуань из-за низкого сахара попал в медпункт. Когда мы зашли, вы смеялись и подшучивали над тем, что Лу Чуань боится уколов.

Цзян Е, вспомнив, невольно улыбнулся.

Они тогда говорили о чём-то, кажется, Лу Чуань назвал его идиотом, он возмутился, и они начали спорить, а потом что-то задело их смешную жилку, и они просто рассмеялись.

Цзян Яо, собирая учебники, с лёгкой улыбкой сказала:

— Не думала, что Лу Чуань, который обычно выглядит таким бесстрашным, боится уколов. Это такой контраст, очень мило.

Цзян Е поднял бровь, думая, что он боится не только уколов, но и ещё кое-чего, о чём никто не знает, кроме него.

Почему-то в его сердце появилось странное чувство удовлетворения.

В конце октября, перед началом пробного теста, стартовала осенняя спартакиада.

Классы по очереди занимали места на трибунах, а спортсмены каждого класса выходили в единой форме.

Десять спортсменов из 13-го класса были одеты в ярко-розовые толстовки и чёрные спортивные штаны, с белыми кроссовками.

Изначально Лу Чуань отказался от идеи надеть розовую майку, а когда Цзян Е предложил добавить крупные надписи на одежду, он понял, что это совсем не для него.

Однако в итоге он не смог избежать этого.

Цзян Е, Хао Шуай и другие схватили его и начали натягивать на него одежду. Лу Чуань, не выдержав, когда несколько рук одновременно пытались снять с него одежду, отбивался и, наконец, сдался:

— Ладно, надену, только отстаньте.

Когда он, нехотя, надел форму, пять парней выстроились в ряд.

Цзян Е, Лу Чуань, Хао Шуай, Лу Сяоцян и Шэнь Ян соответствовали надписям:

«Дикий», «Наглый», «Красавчик», «Крутой», «Безумный».

Чёрные буквы на розовых толстовках были особенно заметны.

Атмосфера была пропитана духом подросткового максимализма.

Ай Фэй хотела сделать их фотографию, но Лу Чуань, чувствуя себя неловко, прикрыл лицо рукой. Однако в момент, когда Ай Фэй нажимала на кнопку, Цзян Е с хитрой улыбкой оттянул его руку.

Итак, выражение полного отчаяния на лице Лу Чуаня было запечатлено на этой фотографии.

Цзян Яо, по состоянию здоровья не могла участвовать в соревнованиях, подошла к Цзян Е с подругой Мэн Цици. Увидев их яркие наряды, она не смогла сдержать смеха:

— Что это я вижу? Группа подростков, помешанных на себе! Ха-ха-ха, это слишком смешно!

— Но, по крайней мере, вас легко узнать.

— Правда? — с гордостью сказал Цзян Е. — Это моя идея.

Цзян Яо, сдерживая смех, сказала:

— Брат, ты просто молодец!

Лу Чуань: [...]

Он уже не хотел ничего говорить, просто сдался и перестал сопротивляться.

<http://bllate.org/book/16328/1473938>